

Анатолий НЕПОКУПНЫЙ

Институт языковедения, Киев

ПРУССКОЕ ТАБУ: *mosuco* E 662 ‘ЛАСКА’ КАК ДЕМИНУТИВ ОТ *moazo* E 178 ‘ТЕТЯ’

0. Год опубликования Ф. Нессельманом Эльбингского словаря (1868) определил начало того периода, когда вслед за чрезвычайным событием в науке о пруссах оперативно последовавшие первые отклики на введение в научный обиход древнейшего балтийского памятника фактически стали не только отправной точкой, но вместе с тем в известной мере и теоретической базой для всего дальнейшего этимологического исследования уцелевшего уникама исчезнувшего народа.

Уже через два года (1870) В. Пирсон предложил свой перечень „литовских эквивалентов прусских слов“ (*litauische Aequivalente für altpreussische Wörter*), в котором одно из таких „уравнений“ относилось к названию хищного зверька ласки (*Mustela nivalis* L.) – E 662:

„*mosuco* ‘Wesele’, Wiesel; eig/entlich/ ‘Kleinchen’; lit. *mažukas*, Diminutiv von *mažas* klein, bedeutet ein anderes kleines Thier, nämlich die Weindroßel“ (P i e r s o n 1870, 584).

Четверть века спустя в своей книге о прусском языке Э. Бернекер дважды сопоставил прусскую форму с лит. *mažukas*: сначала в разделе „Фонетика“, а затем в „Этимологическом словаре“ (B e r n e k e r 1896, 253, 308). Вероятно, считая подобную точку зрения уже общепринятой, исследователь однако не упомянул имени своего предшественника по такому отождествлению (*Ibidem*).

С последним обстоятельством, очевидно, следует связывать и то, что в дальнейшем Р. Траутман, толкуя прус. *mosuco* как «wohl ‘Kleinerchen’» и при этом указывая на лит. *mažukas strāzdas* ‘Weindrossel’, сослался уже только на труд Бернекера (T r a u t m a n n 1910, 380). Показательно, что исследователь разделял версию В. Пирсона и в будущем. Так, анализируя самбийский антропоним *Maluske* (начало XV в.), ученый сравнил его, с одной стороны, с прус. *mosuco* ‘ласка’, а с другой – с лит. *mažiukas* ‘маленький’ (T r a u t m a n n 1925, 56, 173).

В отличие от Р. Траутмана Я. Эндзелин не только не присоединился к существующей этимологии прусского обозначения ласки, но, можно сказать, даже дистанцировался от нее. Ср. „*mosuco*... Пирсон и Бернекер связывали это с *mazais*“ (E n d z e l i n s 1943, 212), т. е. „**mazais* ‘weniger’: лит. *māžas*“ и т. д. (*Ibidem*, 208).

Вот почему вряд ли следует ставить имя автора цитируемых слов в один ряд со сторонниками версии В. Пирсона (ср. Mažiulis III 152). То, что Эндзелин воздержался от оценки, так сказать, „малой“ этимологии прус. *mosuco*, уже само по себе сближает его точку зрения с позицией Ф. Нессельмана, который в свое время вопреки Пирсону считал, что должна быть реконструирована форма „[mosuca]“, т. е. с консонантом „s“, а не „z“ (см. Nesselmann 1873, 106).

И все же сдержанное отношение автора „Прусского языка“ 1943 г. не было в достаточной мере учтено при новейшей этимологизации данной лексемы: если литовский исследователь первоначально еще сохранял сомнение – ср. „*žebenkštis mosuco* E 662 [mazukā?]“ (см. Mažiulis 1981, 327), то впоследствии он уже категорически утверждал, что „*mosuco*... < adj. (fem.) **mazukā* ‘mažiukė, mažoji’ (žebenkštis – mažas žvėrelis...)“ (Mažiulis III 152), т. е. речь идет об исходном прилагательном женского рода **mazukā* ‘малютка, малая’, поскольку „ласка – это малы й (разрядка в оригинале. – А. Н.) зверек“.

Таким образом, взгляд на происхождение прус. *mosuco* E 662 ‘ласка’, предложенный В. Пирсоном (1870), нашел себе поддержку и в новейшем этимологическом словаре прусского языка В. Мажюлиса (1996). Более того, последний продолжал отстаивать свою позицию в дискуссии по докладу автора этих строк (Непокупный 2001, 33–34) и пять лет спустя¹.

1. Действительно небольшие размеры зверька *Mustela nivalis* L. (длина тела 13–26 см, хвоста около 5 см) вместе с тем вовсе не определяют характера его номинации. По словам автора монографии „*Das Wiesel in der europäischen Volksüberlieferung mit besonderer Berücksichtigung der finnischen Tradition*“, „место ласки в фольклористической фауне является по сути парадоксальным: это внешне незначительное животное имеет большое значение в народных верованиях“ (Накко 1956, 155).

Справедливость приведенного высказывания находит свое подтверждение и в новейших трудах. Так, подводя итоги анализа символики, в частности, куньих и других пушных зверей в этнокультурных традициях славянских народов, ее исследователь особо подчеркивает высокий „рейтинг“ объекта нашего внимания:

„Роль покровителя дома и скота ярче всего представлена у ласки. ... Многие действия по отношению к скоту или, реже, к людям являются общими у пушных зверей и демонических существ: мучить – у ласки..., щекотать – у ласки..., плести гриву – у ласки..., отбирать молоко у коровы – у ласки..., лизать – у ласки..., чесать и гладить – у ласки..., дуть – у ласки..., ласкать – у ласки... Максимальный набор

¹ Подробнее см. L. Bilkis, V. Kabašinskaitė, Tarptautinė Kazimiero Būgos konferencija, – Baltistica, XXXVI (1), 2002, 154.

перечисленных характеристик представлен у ласки как основного, центрального персонажа“ (Г у р а 1997, 254–255).

В силу столь активного и даже агрессивного поведения ласки становится понятным, почему различные языки обнаруживают тенденцию избегать употребления ее прямого названия. Так, упоминание нем. *Wiesel* (ср. статью Е 662: *Wesele mosuco*) находится под столь строгим запретом, что на севере Германии даже возникло такое обозначение данного животного, как *det ungenômte diert* „неназванный зверь“ (HDA VIII 5/6 802). Ср. вариант этого же „безымянного имени“ – *dat ungeneumte Dier* (Ibidem VI 957). Это с одной стороны. А с другой – на юго-западе Болгарии (р-н Гоце-Делчева) зафиксирован точно такой же способ наименования обсуждаемого млекопитающего: *бизѝмник, што си нѝма ѝме* (Младенов 1968, 501).

Вместе с тем единственный надежный способ закрепить выход из употребления давнего имени состоит в замене последнего новым названием. Так возникли целые серии табуистических неологизмов, в частности это относится и к вариантам номинации ласки.

2.1. Прусское название хищного зверька семейства куньих (*Mustela nivalis* L.) *mosuco* Е 662 уже давно привлекло к себе внимание исследователей народных верований. Так, в публикации доклада Г. Рольфса (G. R o h l f s, *Sprache und Kultur*, Braunschweig, 1928, 22) было отмечено, что баварский термин родства *müemelein* ‘Mühmchen’, т. е. ‘тетушка’, как „задабривающее“ наименование упомянутого животного имеет аналогию в прусском языке (см. HDA IX 579). Через несколько лет П. Х. Берингер (Базель) в своей диссертации поставил знак равенства между прусским *mosuco*, с одной стороны, и нем. *Mühemelein* (*müemelein*) – с другой (B ö h r i n g e r 1935, 81). Наконец, сославшись на труд швейцарского исследователя, прусскую форму представил и финский автор капитального труда о ласке в традициях европейских народов (H a k o 1956, 23).

Итак, уже не переводом прус. *mosuco* (ср. Е 662 *Wesele*), а его табуистическим соответствием является нем. *Mühmlein* (*Muhme* + деминутивный суффикс *-lein*).

Уменьшительная форма *Mühmlein* хорошо известна как в своем первичном – ‘тетя (ласкательное); родственница по боковой линии’ (например, в „Застольных речах“ М. Лютера – *mümlin*), так и во вторичном значении – ‘ласка’ (в соответствии с „Баварским словарем“ И. Шмеллера; G r i m m VI 2647).

Следовательно, нем. *Mühmlein* полнотой своих свидетельств подтверждает обоснованность реконструкции прус. *mosuco* *‘тетушка’ и позволяет говорить о существовании прусско-немецкой (баварской) табуистической изоглоссы *mosuco* – *Mühmlein*. При этом и прусская, и немецкая формы слова ‘тетя’ восходят

к общему индоевропейскому названию **mātēr* ‘мать’ (ср. F r a e n k e l 1962, 465–466; K l u g e 1995, 573).

2.2. Немецкая (баварская) параллель к прус. *mosuco* не является исключительной: подобная форма известна и среди болгарских названий животного *Mustela nivalis* L. Так, в с. Беброво (р-н г. Елены) отмечено форму *лѐличка* ‘ласка’ (зоол.), образованную от *леля* ‘тетка по матери; тетка по отцу’ + уменьшительный суффикс *-ичка* (М л а д е н о в 1968, 501).

О том, что такое наименование ласки не представляет собой изолированного факта, свидетельствует употребление словосочетания *леля калманка* ‘тетя ласка’. Например, в Пловдивском округе (Карловский р-н, Новаково) записано: *Моля ти се, лельо калманке, яла ми на гости, в неделя сватба ще имам* ‘Прошу тебя, тетя ласка, пожалуйста ко мне в гости, в воскресенье у меня будет свадьба’ (см. Г у р а 1997, 210). Подобным образом в разных местностях Болгарии, чтобы избавиться от мышей в доме, приглашают ласку на свадьбу.

Болг. диал. *лѐличка* ‘*Mustela nivalis* L.’ является весьма типичным отражением широкого контекста духовной культуры балканских славян. И в том, что касается форм номинации по принципу „задабривания злого животного“ (см. ЭССЯ XIV 37), ограничимся следующим высказыванием: „Женский образ ласки занимает важное место в фольклоре и народных верованиях южных славян, однако, в отличие от западных, в семантике названий ласки в большей мере отражен признак родства и замужества“ (Г у р а 1997 254). Ср. также комментарий о «семантической мотивации – ‘девушка, женщина’» в связи с картой, посвященной обозначениям *Mustela nivalis* L. (ОЛА / СЛС I 124).

Так в дополнение к прусско-немецкой (баварской) табуистической изоглоссе *mosuco* – *Mühmlein* мы получаем и прусско-болгарскую *mosuco* – *леличка* с общим для них семантическим переходом ‘тетушка’ → ‘ласка’.

3. Обладающее прочными родственными связями в литовском (*móša* ‘золовка’) и латышском (*māsa* ‘сестра’) языках прус. *moazo* Е 178 ‘Mume’ никогда не имело особых проблем со своей этимологией. И вместе с тем для уточнения семантики прусского слова желательно рассмотреть эту форму, во-первых, в контексте всех названий родства, зафиксированных в Эльбингском словаре, а во-вторых, хотя бы отчасти через призму исторического развития той терминологической группы, представителем которой и является нем. *Muhme*.

Одна из наиболее четко структурированных лексических систем – терминология родства в общем остается верной себе и не изменяет строгости своей организованности и в Эльбингском словаре. Ср. целый ряд противопоставлений по принципу „мужской – женский“ (заглавные, орденско-немецкие слова статей опускаем):

towis – mothe (169–170; ‘отец’ – ‘мать’),
thetis – ane (171–172; ‘дедушка’ – ‘бабушка’),
brote – swestro (173–174; ‘брат’ – ‘сестра’),
thewis – awis (176–177; ‘брат отца’ – ‘брат матери’),
patowelis – pomatre (179–180; ‘отчим’ – ‘мачеха’),
passons – poducere (181–182; ‘пасынок’ – ‘падчерица’).

И всё же такой „попарный“ порядок нарушают два исключения. Так, в соответствии с первоочередностью „мужских“ названий, во-первых, вслед за исходным нем. *Brud'kint*, т. е. *Bruderkint* (= *Bruderkind*; букв. ‘чадо брата’; 175; прус. *sunaybis*) в цитируемом лексиконе можно было бы ожидать статью **Swest'kint*, т. е. **Swesterkint* (ср. нем. *Schwesterkind* ‘племянник, -ница (по сестре)’), а во-вторых, перед строкой с нем. *Mume* (= *Muhme*; 178; прус. *moazo*) с первоначальным значением ‘сестра матери’ в Эльбингском словаре вполне могла быть вписана и лексема *Base*, которая лишь позднее (в XV в.) стала обозначать сестру уже не только отца, но и матери – ‘Tante’ (Kluge 1995, 83).

Однако, если отношение к брату или к сестре никак не выражено в прус. *sunaybis*, а потому последней формой, вероятно, можно было переводить не только реально представленное в словаре нем. *Bruder-*, но и отсутствующее в нем, хотя и той же системой тематической группы мотивированное словосложение **Swesterkint*, то значительно сложнее обстоит вопрос с другой безальтернативной (в смысле родовой корреляции) статьей: нем. *Mume* – прус. *moazo* (178).

Так что: *Mume* здесь уже имело значение и ‘сестра матери’, и ‘сестра отца’? Ср. „наше *muhme* сначала означало только сестру матери, однако по меньшей мере со времени позднесредневерхненемецкого это слово ... распространилось также и на сестру отца, двоюродную сестру и племянницу (*Geschwisterkinder*) и вообще на родственницу по боковой линии (*weibliche Seitenverwandte*)“ (Grimm VI 2645).

Возможно, ко времени создания оригинала словаря нем. *Mume* (E 178) употреблялось уже в обобщенном значении ‘сестра по матери или по отцу’, почему в „программной“ части лексикона и был представлен только один термин вместо ожидаемых двух.

Таким образом, в случае с толкованием формы *Mume* мы не модернизируем своего восприятия древнего термина, и, стало быть, переводящее его прусское соответствие *moazo* также имеет общее, недифференцированное значение ‘тетя’.

4. Имея в составе Эльбингского словаря два названия, с одной стороны, *moazo* E 178 ‘тетя’, а с другой – *mosuco* E 662 ‘ласка’, а также памятуя о том, что в немецком (*Mühtlein*) и болгарском (*леличка*) языках (см. выше) отчетливо про-

слеживается переход первого значения во второе, мы с полной уверенностью приходим к выводу: прус. *mosuco* является и семантическим, и словообразовательным производным от прус. *moazo*.

Несомненно, что установление деривационной связи между двумя формами 'тетя' и букв. 'тетушка' (= 'ласка') позволяет восстановить еще один, промежуточный этап рассматриваемого словообразовательного процесса, а именно:

1) *moazo* E 178 'тетя' → 2) **mosuco* 'тетушка' → 3) *mosuco* E 662 'ласка'.

Реконструируя центральное звено предложенной лексико-словообразовательной и семантической цепочки прус. **mosuco* 'тетушка', необходимо обратить особое внимание на то, что в языке литовского песенного фольклора соответствующий термин родства *móša* 'золовка, сестра мужа' обычно выступает с одним, двумя, а то и тремя деминутивными формантами. Ср.: 1) *mošelé, mošyté*, 2) *mošaitelė, mošytėlė, mošužėlė*, 3) *mošytužėlė* (LKŽ VIII 360).

Та же самая картина наблюдается и в латышских дайнах, где производные от лтш. *māsa* 'сестра' также имеют до двух уменьшительных суффиксов, однако в позиции первого из них выступает прямое соответствие служебной морфеме прус. *mosuco*: *māsuciņa* BW. 6387 var.; 12066 (ME I 586), *māsucīte* BW. 6387 var. (EH I 793). При этом показательно, что все приведенные формы локализируются в ориентирах Айзпуте–Кулдига, т. е. в ареале куршского субстрата, где прослеживается целый ряд общих черт с прусским языком.

Наконец, структурно полная и точная параллель прусской лексеме обнаруживается в одном из латышских говоров Видземе (волость Вайнижи, р-н Лимбажи), в словаре которого отмечено производное образование *māšuka* как один из деминутивов с ласкательным оттенком – дериват от *māsa* 'сестра' (Å d a m s o n s, K a g a i n e 2000, 506).

Существование в латышском языке цельноформленного соответствия восстанавливаемому прус. **mosuco* 'тетушка' подтверждает надежность предложенной реконструкции как самого по себе слова, так и его стилистического функционирования в роли определенного фрагмента западнобалтийской терминологии родства.

Более того, табуистическое развитие прус. *mosuco* 'тетушка' → 'ласка', отражая общий процесс формирования „названий лиц женского пола и животных (pōmina feminina)“ (A m b r a z a s 2000, 71), вместе с тем объединяет прусский язык с литовским и латышским, в говорах которых продолжают жить деминутивы с суффиксом *-uka*, выступающие в качестве ласкательных девичьих (женских) имен, как, например, в лит. *Onukà* и лтш. *Annuka* (Ibidem, 72). Например, так называли дома Анну К. (П.) в с. Мачюлишкес Марьямпольского р-на (данные автора). В этом факте – еще одно свидетельство прусской ориентации ареала Занеманья.

1–4. Взаимоотношения между свидетельствами, содержащимися в прусских, немецких и болгарских источниках, можно отобразить в следующей схеме:

Язык и время памятника (источника)	Термин родства 'сестра матери (или отца)'	С ф в о я р з м и ы	Производное образование уменьшительным суффиксом	С ф в о я р з м и ы	Прямое или же табуированное название ласки (Mustela nivalis L.)
1. Прус. (ок. 1400 г.)	<i>moazo</i> ↑ E 178 ↓	→	[* <i>māsā</i> + *- <i>uka</i>]	- →	<i>mosuco</i> ↑ E 662 ↓
2. Орд.-нем. (ок. 1400г.)	<i>Mume</i>	-	-	-	<i>Wesele</i>
3. Нем. (бавар.) (XIX в.)	<i>Muhme</i>	→	[<i>Muhme</i> + <i>-lein</i>]	- →	<i>Mühmlein</i>
4. Болг. (XX в.)	<i>леля</i>	→	[<i>леля</i> + <i>-ичка</i>]	- →	<i>леличка</i>

Связи между терминологией родства и названиями ласки (*Mustela nivalis* L.):

- а) (↑↓) – равнозначные (переводные),
- б) (→) – лексико-словообразовательные,
- в) (- →) – семантически производные (табуированные).

5.1. Вывод о том, что термин родства *moazo* 'тетя' в его ласкательной форме *mosuco* *'тетушка' стал в прусском языке названием хищного зверька ласки (*Mustela nivalis* L.), уже сам по себе ставит вопрос о реконструкции тех верований, которые вызвали к жизни появление долгое время остававшегося неразгаданным прусского слова: как будто этнолингвистика за свою услугу, оказанную в данном случае балтийской этимологии, теперь ожидает ответного внимания... Вероятно, идеальным было бы составление европейского каталога верований, связанных с лаской, а также их картографирование, причем как минимум – в широких окрестностях бывших прусских земель.

Как очень скромный первый шаг в открывающемся направлении укажем на фольклорный материал, записанный на территории Мазовии и впервые опублико-

ванный М. Теппеном в 1867 г. Речь идет о заговоре от укуса змеи, в тексте которого упоминается также и ласка: *Nun segne ich dich gegen... gegen die männliche und weibliche Schlange, gegen die männliche und weibliche Natter, gegen die männliche und weibliche Blindschleiche, gegen die männliche und weibliche Eidechse, gegen die männliche und weibliche Maulwurfsgrille, und gegen männliche und weibliche Wiesel...* (Frischbier 1870, 90), т. е. ‘Ныне крестным знаменем осеняю я тебя от ... от мужской и женской змеи ... ужа... веретеницы... ящерицы... медведки и... ласки...’.

И уже сама локализация ряда характерных прусских топонимов именно „на прусско-мазурской границе“ – ср. статьи о формах *Lamasila*, *Malsowangus*, *Rawczysken* (Gerullis 1922, 81, 94, 139–140) позволяет считать, что приведенный фрагмент текста заговора мог быть известным и на соседней с Мазовией собственно прусской территории...

5.2. В перспективности такой „внутренней“ – через ближайшее внешнее окружение – реконструкции прусского фольклора пишущий эти строки смог убедиться и раньше, когда благодаря этимологизации прус. *prestors* E 707 *Konigelyn* удалось доказать, что пруссам был известен сказочный сюжет АТ 221 А – „Кто летает выше всех?“ (Непокупный 1998, 113–114)².

И, весьма важно подчеркнуть, общим в этимологической судьбе обоих прусских слов и *prestors*, и *mosuco* было то, что в Эльбингский уникум они попали уже в своих вторичных значениях, чего – в отличие от этнолингвистики – не учитывала просто лингвистика. И благодаря именно вторичности семантики этих лексем стало возможным частично восстановить столь необходимые для постижения западных балтов не только „межстатейные“ связи в их наибольшем словаре, но и стоящие за ними элементы духовной культуры³.

PRŪSŲ KALBOS TABU: *mosuco* E 622 ‘ŽEBENKŠTIS’ – *moazo* E 178 ‘TETA’ DEMINUTYVAS

Santrauka

Nuo 1870 m. iki šių dienų prūsų etimologijoje paplitęs požiūris *žebenkštis* (*Mustela nivalis* L.) pavadinimą sieti su lie. *mažiukas*. Šiame straipsnyje įrodinėjama, kad šio plėšraus žvėrelio vardas atsirado dėl tabu iš giminystės termino pr. *moazo* ‘teta’ deminutyvinės formos. Tikslios semantinės-darybinės paralelės ta pačia funkcija žinomos vokiečių (*Mühhlein*) ir bulgarų (*леличка*) kalbose.

² Доклад об этом был прочитан автором на Втором прусском коллоквиуме (Могиляны вблизи Кракова) в октябре 1996 г., о чем писали В. Stundžia (1996, 279) и W. Schmalstieg (1997, 255).

³ Автор считает своим долгом выразить признательность Алексею Андронову (Санкт-Петербургский университет) за помощь в поиске источников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Гура А. В., 1997, Символика животных в славянской народной традиции, Москва.
- Младенов М. Сл., 1968, Един случай на табу в българския език (названия на невестулката), – Известия на Института за български език, XVI, София, 497–506.
- Непокупный А., 1998, Прусское название христианского священника: *prestors EV 707*, – *Colloquium Pruthenicum secundum*, Kraków, 109–119.
- Непокупный А., 2001, Три этапа в изучении Эльбингского словаря и этимологизация двух прусских зоонимов, – *Tarptautinė Kazimiero Būgos konferencija: Etimologija ir onomastika*, Vilnius, 32–34.
- ОЛА/СЛС – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, I, Животный мир, Москва, 1988.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, I и сл., Москва, 1974 и сл.
- Ādamsons E., E. Kagine, 2000, *Vainīžu izloksnes vārdnīca*, A–M, Rīga.
- Ambrazas S., 2000, *Daiktavardžių darybos raida*, II. *Lietuvių kalbos vardažodiniai vediniai*, Vilnius.
- Berneker E., 1896, *Die preussische Sprache*, Strassburg.
- Böhringer P. H., 1935, *Das Wiesel, seine italienischen und rätischen Namen und seine Bedeutung im Volksglauben*, Diss., Zürich.
- EH – Endzelīns J., E. Hauzenberga, *Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai*, I-II, Rīga, 1934–1946.
- Endzelīns J., 1943, *Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika*, Rīga.
- Fraenkel E., 1962, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg etc.
- Frischbier H., 1870, *Hexenspruch und Zauberbann. Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens in der Provinz Preußen*, Berlin.
- Gerullis G., 1922, *Die altpreußischen Ortsnamen*, Berlin etc.
- Grimm J. und W. Grimm, 1854–1960, *Deutsches Wörterbuch*, I–XVI, Leipzig.
- Hako M., 1956, *Das Wiesel in der europäischen Volksüberlieferung mit besonderer Berücksichtigung der finnischen Tradition*, Helsinki.
- HDA – *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*, I–IX, Berlin etc., 1927–1941.
- Kluge F., 1995, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bearbeitet von E. Seebold, 23., erweiterte Auflage, Berlin etc.
- LKŽ VIII – *Lietuvių kalbos žodynas*, VIII, Vilnius, 1970.
- Mažiulis V., 1966–1981, *Prūsų kalbos paminklai*, [I]–II, Vilnius.
- Mažiulis V., 1988–1997, *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, I–IV, Vilnius.
- ME – K. Mühlenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*. Red., papild., turp. J. Endzelīns, I–IV, Rīga, 1923–1932.
- Nesselmann G. H. F., 1873, *Thesaurus linguae prussicae*, Berlin.
- Pierson W., 1870, *Litauische Aequivalente für altpreussische Wörter*, – *Altpreußische Monatschrift*. Neue Folge, VII (7), 577–602.
- Schmalstieg W., 1997, (rec.) V. Mažiulis, *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, II, Vilnius, 1993; III, Vilnius, 1996, – *Baltistica*, XXXII (2), 249–256.
- Stundžia B., 1996, *Colloquium Pruthenicum secundum*, – *Baltistica*, XXXI (2), 279–280.
- Trautmann R., 1910, *Die altpreussischen Sprachdenkmäler*, Göttingen etc.
- Trautmann R., 1925, *Die altpreussischen Personennamen*, Göttingen.